И 226/2354

Н. Д. Сергіевскій

КЪ ВОПРОСУ О КОРЕННЫХЪ ЗАКОНАХЪ В. К. ФИНЛЯНДСКАГО.

2007110079

24904
3

226
2354

Н. Д. Сергѣевскій.

КЪ ВОПРОСУ

О

КОРЕННЫХЪ ЗАКОНАХЪ

В. К. ФИНЛЯНДСКАГО.

БИБЛІОТЕКА
А. А. КУРОПАТКИНА.
ПОЖЕРТВОВАНІЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Манифесты 3

II. Конституція 5

III. Коренные (основные) законы 11

IV. Общее значеніе Манифестовъ 15

V. Манифестъ $\frac{25\ \text{Октября}}{6\ \text{Ноября}}$ 1894 года. Законы мѣстные и общегосударственные 19

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

39042-44

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТИПОГРАФІЯ.

I.

Манифесты.

По завоеваніи Финляндіи въ 1809 году, Императоръ Александръ I двумя Манифестами объявилъ свою волю о сохраненіи коренныхъ законовъ края, правъ и преимуществъ населенія. Всѣ послѣдующіе Государи, при вступленіи своемъ на Престолъ, дѣлали такое же заявленіе въ особыхъ актахъ. Акты сіи, различаясь между собою лишь въ немногихъ оборотахъ рѣчи, имѣютъ общую форму Высочайшихъ Манифестовъ; тѣмъ не менѣе въ Сборникѣ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго имъ присвояется иное наименованіе, а именно: въ шведскомъ текстѣ они называются «Försäkran» и, соотвѣтственно этому, въ русскомъ текстѣ до послѣдняго времени назывались «Удостовѣреніе».

Въ первомъ Манифестѣ Императора Александра I, подписанномъ $^{15}/_{27}$ Марта 1809 года, въ г. Борго, было провозглашено: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и пре-

имущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Во второмъ Манифестѣ $\frac{23\ \text{Марта}}{4\ \text{Апрѣля}}$ того же 1809 года объявлено: «Созвавъ сословія Финляндіи на общій Сеймъ и принявъ ихъ присягу на вѣрноподданство, Мы по поводу сего желали торжественнымъ актомъ, объявленнымъ въ ихъ присутствіи въ святилищѣ, утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое сословіе въ особенности и все населеніе Финляндіи вообще пользовались до сего времени». Въ 1825 году, при вступленіи на Престолъ Императора Николая I, $^{12}/_{24}$ Декабря этого года объявлено: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ наслѣдственное обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». При восшествіи на Престолъ Императора Александра II, $\frac{19\ \text{Февраля}}{3\ \text{Марта}}$ 1855 года возвѣщено: «Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по прежнимъ установленіямъ донынѣ пользовались,

обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». При восшествіи на Престолъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III, $^{2}/_{14}$ Марта 1881 года объявлено: «Признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, основные законы, права и преимущества, которыми каждое сословіе сего Великаго Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе отъ мала до велика, по установленіямъ этого края донынѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Наконецъ, въ Манифестѣ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II $\frac{25\ \text{Октября}}{6\ \text{Ноября}}$ 1894 года дословно повторены выраженія предшествующаго Манифеста.

БИБЛІОТЕКА
А. Н.
КУРОПАТКИНА.

II.

Конституція.

Приведенные Манифесты послужили поводомъ къ образованію среди финляндцевъ мнѣнія о томъ, что власть Государей Россійскихъ является въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ ограниченною, а не Самодержавною, и что Императоромъ Александромъ I утверждена была финляндская конституція, которая подтверждалась затѣмъ и всѣми Его Преемниками. Эта мысль нашла себѣ примѣненіе, прежде всего, въ указанномъ выше наименованіи означенныхъ Манифестовъ терминомъ «Försäkran», съ переводомъ сего послѣдняго на русскій языкъ посред-

ствомъ слова «Удостовѣреніе». «Försäkran» означаетъ ничто иное, какъ присягу или клятвенное обѣщаніе шведскихъ королей на вѣрность законамъ, опредѣляющимъ права народнаго представительства; слово же «Удостовѣреніе» никогда въ русскомъ языкѣ для наименованія законодательныхъ актовъ не употреблялось и не употребляется. Не взирая на то, что при изданіи сихъ Манифестовъ русскіе Государи никакихъ клятвенныхъ обѣщаній не произносили, изъясненное выше мнѣніе съ особою силою выдвинулось въ 60-хъ годахъ. Поддерживаемое значительною частью финляндскихъ ученыхъ и финляндскихъ дѣятелей *), мнѣніе это продолжало развиваться до послѣдняго времени и, наконецъ, въ наши дни съ полною опредѣленностью изложено во всеподданнѣйшемъ Представленіи Финляндскаго Сената по поводу Высочайшаго Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1899 года.

Ближайшее разсмотрѣніе приведенныхъ Манифестовъ внѣ сомнѣнія показываетъ, что они никогда не имѣли того значенія, которое имъ приписывается финляндцами. Извѣстно, что Императоръ Але-

---

*) Въ финляндской литературѣ прямо говорится, что Манифесты нашихъ Государей лишь замѣстили собою конституціонную присягу шведскихъ королей, которая являлась необходимымъ предварительнымъ условіемъ вѣрноподданнической присяги. Согласно сему и поступилъ въ Октябрѣ 1894 года Гельсингфорскій Магистратъ, сдѣлавъ распоряженіе о томъ, чтобы принесеніе присяги вступившему на Престолъ Государю было отложено до изданія Монаршаго Удостовѣренія.

ксандръ I одно время своего царствованія останавливался на мысли о представительномъ образѣ правленія; можно думать, что и мысль о федеративно-конституціонномъ строѣ Россійской Имперіи не была чужда Ему. Имѣются указанія относительно прямого намѣренія Императора даровать конституцію Польшѣ; весьма возможно, что въ предположенія Его входило и конституціонное устройство Финляндіи. Отрицать этого нельзя; но было бы невѣроятно заключить, что, отказавшись отъ своихъ намѣреній по отношенію къ прочимъ частямъ государства, Императоръ Александръ I даровалъ конституцію Финляндіи и одной только Финляндіи. Недоразумѣніе порождается здѣсь тѣмъ, что въ Манифестѣ Александра I употреблено слово «конституція»; это же слово (constitution) имѣется въ французской рѣчи, которую произнесъ Императоръ при открытіи Сейма 1809 года, и, наконецъ, повторено въ Манифестѣ Императора Николая I въ 1825 году. Однако, о какой же именно *конституціи* могла быть рѣчь въ то время?—Финляндцы говорятъ, что словомъ конституція называется Форма Правленія 1772 года и Актъ Соединенія и Охраненія 1789 года. Но въ дѣйствительности ни тотъ ни другой актъ въ текстѣ ихъ такъ не названы. Притомъ, совершенно очевидно, что ни Форма Правленія 1772 года, ни Актъ Соединенія и Охраненія 1789 года не могли представляться такими *конституціями*, кои подлежали бы утвержденію Верховной Власти, по той простой причинѣ, что оба эти акта касались шведскаго короля, а не русскаго Императора, и относились не къ одной только Финляндіи,

но и къ Швеціи. Сверхъ того, большая часть перваго акта была отмѣнена вторымъ. Не могли же Императоръ Александръ I и Императоръ Николай I утвердить, въ качествѣ закона, документы подобнаго рода, даже безъ перевода на русскій языкъ и безъ переработки самаго изложенія, не говоря уже о такихъ, напримѣръ, постановленіяхъ, какъ правило о томъ, что Монархъ долженъ исповѣдывать лютеранскую вѣру, или такихъ мѣстахъ, какъ заключительная часть Акта 1772 года, въ которой выражается «величайшее отвращеніе къ самодержавію (Souverainitet)».

Тѣмъ не менѣе финляндцы, въ подкрѣпленіе ихъ взгляда, приводятъ слѣдующее обстоятельство: въ концѣ подлиннаго текста Сеймоваго Устава 1869 года, передъ Собственноручною подписью Императора Александра II, написано: «Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 года и въ Актѣ Соединенія и Охраненія отъ $\frac{\text{21 Февраля}}{\text{3 Апрѣля}}$ 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый основной законъ». Финляндцы придаютъ особое значеніе приведенной надписи. Они говорятъ, что въ ней заключается подтвержденіе того, что означенные Форма и Актъ утверждены Верховною Властью, какъ законъ конституціонный. Нельзя отрицать, что надпись сія, по своей редакціи, способна вызвать недоразумѣніе и послужить, при желаніи, нѣкоторой опорой для лжетолкованія. Однако, прямой смыслъ ея не даетъ основаній къ выводу, что

Форма и Актъ были когда либо утверждены, какъ цѣльные законодательные акты. Наоборотъ,—въ надписи идетъ рѣчь лишь о правахъ по сеймовому законодательству, въ томъ видѣ, какъ оныя установлены въ Формѣ и въ Актѣ; сіи же права суть: право созванія сейма, право законодательнаго почина и право утвержденія законопроектовъ. Только эти права могъ имѣть въ виду Императоръ Александръ II при утвержденіи Сеймоваго Устава 1869 года, но никакъ не Форму и Актъ въ цѣльномъ ихъ составѣ. Нельзя допустить, чтобы наши Государи утверждали какіе либо законы не непосредственно Собственноручною подписью на подлинномъ текстѣ, а какими то намеками, высказанными по другому дѣлу *).

Все недоразумѣніе по вопросу о «конституціи» разъясняется, однако, довольно легко: слово «конституція» получило значеніе строгаго термина, обозначающаго представительный образъ правленія, ограничивающій верховную власть волею представителей на-

---

*) Къ сожалѣнію, разобранное мнѣніе находило себѣ поддержку въ косвенныхъ указаніяхъ и различныхъ клаузульныхъ оговоркахъ, которыя неоднократно вводились въ текстъ финляндскихъ узаконеній, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Такова, напримѣръ, фраза, введенная во вступительную часть закона $^{13}/_{25}$ Іюня 1886 года о предоставленіи земскимъ чинамъ права законодательнаго почина. Все содержаніе сего узаконенія сводится къ измѣненію §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава 1869 года. Тѣмъ не менѣе, во вступительную часть включены совершенно неподлежащія слова: «съ отмѣною 6 пункта Акта Соединенія и Охраненія 1789 года». Цѣль такой вставки очевидна: показать, что Актъ 1789 года есть законъ дѣйствующій, хотя для всякаго ясно, что соотвѣтствующія правила сего Акта во всякомъ случаѣ были уже замѣнены названными §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава 1869 года.

селенія, лишь въ 30-хъ годахъ; ранѣе же этого времени слово «конституція» на всѣхъ языкахъ означало не болѣе, какъ установленный закономъ порядокъ управленія вообще и, сообразно этому, вполнѣ соотвѣтствовало русскому слову: установленіе или учрежденіе, а также уставъ, уложеніе. Конституціями нерѣдко назывались Уголовныя Уложенія, Уставы учебныхъ заведеній и проч. Конституціями же назывались всегда постановленія польскихъ и литовскихъ сеймовъ *). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ I и, конечно, Императоръ Николай I употребляли это слово лишь въ приведенномъ общемъ смыслѣ, а никакъ не въ смыслѣ термина современнаго государственнаго права. Это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Манифестахъ слово «конституція» употребляется во множественномъ числѣ — «по конституціямъ»..., а во вторыхъ, тѣмъ, что въ Манифестѣ Императора Александра II это слово замѣнено словомъ «установленіе», каковой оборотъ рѣчи сохраняется и въ позднѣйшихъ Манифестахъ Императора Александра III и Императора Николая II. Таково дѣйствительное положеніе вещей.

Дѣлая выводъ изъ сказаннаго, мы въ правѣ сказать, что въ Манифестахъ или «Улостовѣреніяхъ» идетъ

---

*) Constitutio criminalis Carolina, Constitutio Theresiana, Constitutio Academiae Lipsiensis etc. Въ Указѣ 25 Іюня 1840 года говорится о «сеймовыхъ конституціяхъ», изданныхъ на основаніи Литовскаго Статута или въ дополненіе къ оному; слова эти воспроизводятся и въ дѣйствующемъ Сводѣ Законовъ, именно въ примѣчаніи къ статьѣ 1317 Законовъ Гражданскихъ (Т. X, ч. 1, изд. 1887 г.).

рѣчь вовсе не о конституціи, въ современномъ смыслѣ этого слова, а лишь о законномъ основаніи правъ и преимуществъ вообще.

III.

Коренные (основные) законы.

Въ Манифестахъ заключается утвержденіе коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ населенія и выражается обѣщаніе «хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи». Если принять эти слова въ узко-буквальномъ смыслѣ, то, конечно, въ нихъ нельзя не видѣть ограниченія Верховной Власти. Однако, останавливаясь на узко-буквальномъ смыслѣ, придется идти далѣе: придется признать абсолютную, т. е. внѣ чьей бы то ни было воли лежащую, неизмѣнность существующаго порядка, если не на вѣчныя времена, то, по крайней мѣрѣ, на время Царствованія Монарха, издавшаго Манифестъ. Совершенно очевидно, что такая концепція есть нѣчто невозможное и съ теоретической, и съ практической точки зрѣнія, а между тѣмъ она есть неизбѣжное послѣдствіе буквальнаго толкованія. Очевидно, что въ дѣйствительности содержаніе Манифестовъ сводится къ обѣщанію не нарушать законовъ распоряженіями и дѣйствіями по управленію и не отмѣнять ихъ во вредъ интересамъ населенія. При этомъ нельзя не замѣтить, что даже существеннѣйшій вопросъ о формальной сторонѣ дѣла—о порядкѣ отмѣны старыхъ законовъ и изданія новыхъ—не былъ выясненъ вплоть

до Сеймоваго Устава 1869 года; въ теченіе времени болѣе пятидесяти лѣтъ законы для Финляндіи издавались и измѣнялись Верховною Властью, безъ всякаго стѣсненія съ точки зрѣнія обѣщанія о ихъ ненарушимости и притомъ безъ участія Сейма, который за все время Царствованія Императора Николая I даже и не собирался.

Если таковъ дѣйствительный смыслъ заключающагося въ Манифестахъ обѣщанія, то еще менѣе можетъ служить основаніемъ для финляндскихъ притязаній терминъ «коренные» законы. Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никто еще не опредѣлилъ, какіе именно законы суть коренные: когда и кѣмъ изданные, чего и какихъ предметовъ касающіеся. Не взирая на постоянные разговоры о «коренныхъ» законахъ Финляндіи въ литературѣ и цѣлый рядъ кодификаціонныхъ проектовъ, выработывавшихся въ Финляндіи въ періодъ времени отъ 1865 до 1890 года, по этому вопросу и понынѣ существуетъ полное разногласіе, отлично выразившееся въ Особомъ Совѣщаніи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге 1893 года. Члены Совѣщанія разошлись между собою во взглядахъ на этотъ вопросъ и ни одинъ изъ финляндскихъ членовъ не согласился съ мнѣніемъ Графа Гейдена *). Правда, Сеймовый Уставъ 1869 года вводитъ понятіе «основнаго закона», въ качествѣ закона, под-

*) Въ финляндской литературѣ даже такіе выдающіеся публицисты одной и той же партіи, какъ Мехелинъ, Пальмѣнъ, Германсонъ, Вейсенбергъ не могутъ вполнѣ согласиться между собою.

лежащаго отмѣнѣ не иначе, какъ съ согласія Сеймовыхъ сословій Великаго Княжества Финляндскаго. По аналогіи съ симъ, въ Манифестѣ Императора Александра III выраженіе «коренные законы» замѣнено выраженіемъ «основные законы». Но и Сеймовый Уставъ не указалъ и не перечислилъ «основныхъ законовъ», а лишь призналъ таковыми правила, въ немъ самомъ заключающіяся. Руководствуясь современной терминологіей Свода Законовъ Россійской Имперіи, говорятъ, что основные законы суть тѣ законы, кои опредѣляютъ предметы, образующіе содержаніе I тома Свода Законовъ. Но такое понятіе основныхъ законовъ впервые создано лишь въ 1832 году, въ первомъ изданіи Свода Законовъ, и никоимъ образомъ не можетъ служить для толкованія актовъ болѣе ранняго времени въ смыслѣ опредѣленія значенія словъ «коренные законы». Равнымъ образомъ и по той же самой причинѣ, для сей цѣли не можетъ служить и особое понятіе «основныхъ законовъ Финляндіи», введенное Сеймовымъ Уставомъ 1869 года *).

---

*) Думаемъ, поэтому, что замѣна словъ «коренные законы» выраженіемъ «основные законы» въ Манифестѣ Императора Александра III, сравнительно съ прежними Манифестами, не принесла съ собою улучшенія редакціи. Конечно, это обстоятельство, въ виду изложеннаго выше, не представляется важнымъ. Но тѣмъ не менѣе, отождествленіе понятій «коренные законы» и «основные законы» проникло въ дѣлопроизводство Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге безъ всякой пользы для дѣла. Достойно замѣчанія, что въ упоминаемомъ выше представленіи Финляндскаго Сената, при изложеніи Манифестовъ Императора Александра I, слова «коренные законы» вездѣ замѣнены выраженіемъ «основные законы». Необходимо имѣть въ виду, что текстъ актовъ, приводимый въ семъ представленіи,

Дѣйствительное значеніе выраженія «коренные законы» можетъ быть опредѣлено, очевидно, не на основаніи терминовъ, позднѣе образовавшихся, а единственно на почвѣ того словоупотребленія, которое господствовало во время изданія Манифестовъ Императора Александра I. Обращаясь къ русскому законодательному языку того времени, мы съ несомнѣнностью убѣждаемся, что выраженіе «коренные законы» не было вовсе юридическимъ терминомъ точно опредѣленнаго содержанія, а являлось простымъ житейскимъ оборотомъ рѣчи, обозначавшимъ важность закона, его свойство какъ общаго правила, въ противоположность изъятіямъ, древность происхожденія закона и т. п. Достаточно указать, напримѣръ, Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 24 Іюля 1822 года, въ которомъ говорится: «объявленный Генералъ-Прокуроромъ указъ (такой-то)....не можетъ отмѣнять кореннаго закона», причемъ въ качествѣ кореннаго закона названы Генеральный Регламентъ Петра Великаго (54-я глава) и Учрежденіе о Губерніяхъ (глава IV пунктъ 81). Вотъ почему до сихъ поръ никому не удавалось, да и впредь, вѣроятно, не удастся съ точностью опредѣлить, какіе именно изъ старыхъ шведско-финляндскихъ законовъ разумѣлись въ Манифестахъ Императора Александра I подъ названіемъ «коренныхъ».

вообще неточенъ и не вполнѣ согласуется съ подлиннымъ русскимъ (или французскимъ) текстомъ; впрочемъ, финляндскіе переводы документовъ, относящихся къ области государственнаго права, изданные отличаются обиліемъ неточностей.

IV.

Общее значеніе Манифестовъ.

Сказанное достаточно, казалось бы, опредѣляетъ общее значеніе обсуждаемыхъ Манифестовъ или Удостовѣреній въ цѣломъ ихъ составѣ. Они представляютъ собою акты равнозначительные тѣмъ Жалованнымъ Грамотамъ, Универсаламъ, Рескриптамъ и Указамъ, которые изстари давались нашими Государями населенію вновь завоеванныхъ и присоединенныхъ къ Россіи областей и даже жителямъ отдѣльныхъ городовъ. Множество такихъ грамотъ помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ; не малое число напечатано въ различныхъ сборникахъ старинныхъ документовъ. Конечно, слово «конституція» въ сихъ грамотахъ не встрѣчается, — оно замѣщается другимъ иностраннымъ словомъ «привиллегіи» или «привилеи», но все прочее сходствуетъ безусловно. Такъ, въ Грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича 1654 года Гетману Богдану Хмѣльницкому и всему Войску Запорожскому подтверждаются «прежнія ихъ права и вольности войсковыя, какъ издавна бывали при Великихъ Князѣхъ Русскихъ и при Королѣхъ Польскихъ, что суживались (т. е. судились) и вольности свои имѣли въ добрахъ и въ судахъ, и чтобъ въ тѣ ихъ войсковые суды никто не вступался, но отъ своихъ бы старшинъ судились, и прежнихъ бы ихъ правъ, каковы даны духовнаго и мірскаго чина людямъ отъ Великихъ Князей Русскихъ и отъ Королей Польскихъ, не нарушить». Въ томъ же году

дана отдѣльная Грамота городу Кіеву: «Мы, Великій Государь, Наше Царское Величество, подданныхъ Нашихъ города Кіева мѣщанъ пожаловали, велѣли имъ быть подъ Нашею Царскаго Величества Высокою Рукою по прежнимъ правамъ и привиліямъ, каковы даны имъ отъ Королей Польскихъ, и тѣхъ правъ и привиліевъ ни въ чемъ нарушивати не велѣли».

Петромъ Великимъ въ 1710 и 1712 годахъ дано нѣсколько такихъ же Грамотъ, притомъ въ формѣ Манифестовъ, Прибалтійскому населенію и городамъ. Въ нѣкоторыхъ Грамотахъ этой категоріи къ обычнымъ обѣщаніямъ присоединяется еще дополненіе: «за Насъ и за Нашихъ законныхъ Наслѣдниковъ». Приведемъ для примѣра Универсалъ 16 Августа 1710 года и Манифестъ 1 Марта 1712 года. Универсалъ гласитъ: «Мы Петръ I, Божіею Милостію Царь и Императоръ Всероссійскій и проч. и проч., коль скоро, волею Божіею, сія земля совершенно власти Нашей покорена будетъ, Мы не токмо намѣрены оставить безъ всякаго нововведенія во всей землѣ и городахъ понынѣ исповѣдываемую Евангельскую религію, всѣ ихъ древнія привиллегіи, вольности, права и преимущества, которыя, какъ всему міру извѣстно, въ Шведское правленіе всегда нарушаемы были, и по точному ихъ смыслу и понятію свято хранить и содержать, но и обѣщаемъ при случаѣ умножить оныя еще обширнѣйшими и важнѣйшими». Жалованная Грамота 1 Марта 1712 года шляхетству и земству Эстляндскаго Княжества: «подтверждаемъ чрезъ сіе имъ вольное явное Евангельской вѣры

отправленіе, и при томъ всѣ ихъ древнія привиллегіи, такъ и помиренія, соизволенія, права, суды, рецессы, статуты, христіанскія земскія обыкности и употребленія, при которыхъ Мы оныхъ противъ всѣхъ защищать, оборонять и содержать хощемъ, какъ они отъ Королей до Королей, отъ Гохмейстеровъ до Гохмейстеровъ, отъ Гермейстеровъ до Гермейстеровъ и отъ Государей до Государей оныя получали и имѣли. Такожде обѣщаемъ имъ Всемилостивѣйше, что они и потомки ихъ притомъ всемъ всегда содержаны и сохранены будутъ». Нельзя не отмѣтить ближайшаго сходства этихъ Прибалтійскихъ Жалованныхъ Грамотъ съ Финляндскими Манифестами даже по тексту ихъ. Прибалтійскія Грамоты являются какъ бы прототипомъ Финляндскихъ Манифестовъ, отъ котораго сіи послѣдніе отличаются лишь улучшеннымъ стилемъ и нѣкоторыми сокращеніями. Прибалтійскія Грамоты даже сильнѣе выражены: въ нихъ включены прямыя обѣщанія на будущія времена, въ вѣчность.

Наконецъ, къ нашему столѣтію принадлежитъ Манифестъ о присоединеніи Грузинскаго Царства къ Россіи 18 Января 1801 года: «объявляемъ Императорскимъ Нашимъ Словомъ, что по присоединеніи Царства Грузинскаго на вѣчныя времена подъ Державу Нашу....предоставлены и въ цѣлости соблюдены будутъ Намъ любезно вѣрнымъ новымъ подданнымъ Нашимъ Царства Грузинскаго и всѣхъ оному подвластныхъ областей, всѣ права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая».

Какъ на обстоятельство, придающее особую силу Финляндскимъ Манифестамъ, указываютъ иногда на

то, что Манифесты сіи повторялись и подтверждались преемниками Императора Александра I при вступленіи Ихъ на Престолъ. Дѣйствительно, большинство изъ приведенныхъ выше Грамотъ не повторялось: ихъ съ теченіемъ времени забывали и никому не приходило въ голову основывать на нихъ сепаратистскія стремленія. Но нѣкоторыя повторялись; однако это не придавало имъ никакого особаго значенія. Такъ, Грамота городу Кіеву подтверждена была Императоромъ Павломъ въ 1797 году. Въ Указѣ сказано: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ общество гражданъ сея древнія Столицы въ Бозѣ почивающихъ Предковъ Нашихъ Самодержцевъ Всероссійскихъ сохранить ненарушимо при всѣхъ тѣхъ правахъ, вольностяхъ, преимуществахъ, городскихъ доходахъ и выгодахъ, каковые по Жалованнымъ отъ Ихъ Величествъ Грамотамъ и привиллегіямъ помянутому городу присвоены, и которые Мы силою сего возобновляемъ и утверждаемъ».

Равнымъ образомъ, долгое время, именно до вступленія на Престолъ Императора Александра III, повторялись и подтверждались нѣкоторыя Прибалтійскія Грамоты. Но въ 1881 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Генералъ-Адъютантъ Гр. Игнатьевъ, получивъ ходатайство мѣстнаго населенія о дарованіи, по прежнимъ примѣрамъ, подтвердительныхъ Грамотъ, предварительно доклада о таковомъ ходатайствѣ Его Императорскому Величеству, вступилъ въ переписку съ бывшимъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и съ ревизовавшимъ въ то время Прибалтійскія губерніи Сенаторомъ Манасеинымъ. Обра-

зованное для обсужденія сего вопроса при Второмъ Отдѣленіи Совѣщаніе пришло къ заключенію, что «въ подтвержденіи упомянутыхъ правъ и привиллегій особымъ актомъ не представляется необходимости»; Сенаторъ Манасеинъ отвѣтилъ, что подтвержденіе прежнихъ Грамотъ для мѣстныхъ интересовъ излишне, а для интересовъ общегосударственныхъ вредно. Тѣмъ дѣло и кончилось.

V.

Манифестъ $\frac{25\ \text{Октября}}{6\ \text{Ноября}}$ 1894 года.

Обращаясь спеціально къ послѣднему изъ Финляндскихъ Манифестовъ, къ Манифесту нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора Николая II, нельзя не признать, что, независимо отъ всего изложеннаго выше, Манифестъ этотъ изданъ при условіяхъ, дающихъ ему, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, необходимую опредѣленность содержанія по объему. Вопросъ о томъ, какіе именно «коренные» или «основные» законы Финляндіи разумѣются въ Манифестѣ, остается въ прежнемъ положеніи; но вотъ что ясно: данное въ Манифестѣ обѣщаніе касается мѣстныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ, Финляндскихъ законовъ и не распространяется вовсе на общегосударственные законы, каковы суть: законы единообразнаго во всей Россіи примѣненія и законы хотя бы и мѣстнаго примѣненія, но касающіеся интересовъ общегосударственныхъ.

Въ прежнее время это различіе *мѣстныхъ* Финляндскихъ законовъ и законовъ *общегосударственныхъ*, обѣихъ указанныхъ категорій, не было выяснено. При желаніи, можно было разсуждать, что Манифесты касаются всѣхъ вообще законовъ, дѣйствующихъ и примѣняемыхъ въ Финляндіи. Къ удивленію и сожалѣнію, даже и Сеймовый Уставъ 1869 года не далъ руководящихъ правилъ для разъясненія сего недоразумѣнія. Конечно, русская правительственная практика, руководимая здравымъ смысломъ, въ большинствѣ случаевъ шла самостоятельнымъ путемъ и твердо разрѣшала вопросы общегосударственнаго интереса законодательными актами, безъ участія Финляндскаго Сейма и не стѣсняясь финляндскими толкованіями Манифестовъ. Такихъ законовъ издано, какъ извѣстно, множество за время до Сеймоваго Устава и, равнымъ образомъ, послѣ него. Но, тѣмъ не менѣе, отсутствіе общаго разъясненія сего вопроса дало поводъ финляндскимъ членамъ Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге въ 1893 году заявить, что въ Финляндіи дѣйствуютъ и примѣняются только финляндскіе законы исключительно.

Это заявленіе можно считать послѣднимъ, которое могло еще имѣть подъ собою какую либо почву добросовѣстныхъ соображеній, хотя бы и основанныхъ на недоразумѣніи прошлыхъ лѣтъ. Труды Особаго Совѣщанія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге привели къ несомнѣнному разъясненію вопроса о различіи *мѣстныхъ* Финляндскихъ и *общегосударственныхъ* законовъ въ указанномъ выше смыслѣ. Генералъ-Губернаторъ Графъ Гейденъ, во всеподдан-

нѣйшей запискѣ $\frac{24\text{ Марта}}{1\text{ Апрѣля}}$ 1891 года, впервые выдвинулъ на первый планъ эту сторону дѣла, и Особое Совѣщаніе признало высказанную Графомъ Гейденомъ мысль руководящею. Какъ извѣстно, Совѣщаніе пришло къ заключенію о необходимости совершенно выдѣлить вопросъ о мѣстныхъ Финляндскихъ основныхъ или коренныхъ законахъ отъ вопроса о порядкѣ изданія законовъ общегосударственнаго интереса, имѣющихъ примѣненіе въ Финляндіи, и этотъ послѣдній вопросъ поставило на первый планъ, какъ предметъ своихъ занятій, предположивъ образовать для разработки основныхъ законовъ Финляндіи Особую Коммисію.

Такимъ образомъ, старое недоразумѣніе было разъяснено и разрѣшено окончательно. Высочайшее повелѣніе 9 Марта 1893 года не оставило никакого сомнѣнія въ томъ, что законы общегосударственнаго интереса не могутъ принадлежать къ категоріи «основныхъ (или коренныхъ) законовъ Финляндіи», что къ числу сихъ послѣднихъ принадлежатъ исключительно законы мѣстные или мѣстнаго значенія. Отсюда можетъ быть сдѣланъ одинъ только выводъ: ни Манифесты, ни правила Сеймоваго Устава, опредѣляющія порядокъ изданія Финляндскихъ законовъ, не касаются законовъ общегосударственныхъ, а относятся лишь къ мѣстнымъ Финляндскимъ законамъ.

Таково было положеніе дѣла при вступленіи на Престолъ Государя Императора Николая II. Изъ сего явствуетъ, что Манифестъ $\frac{25\text{ Октября}}{6\text{ Ноября}}$ 1894 года ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть толкуемъ въ смыслѣ примѣненія даннаго въ немъ обѣщанія ко всякаго

рода законамъ, дѣйствующимъ и примѣняемымъ въ Финляндіи, какъ мѣстнымъ, такъ и общегосударственнымъ. Поэтому, съ полною увѣренностью можно сказать, что попытка Финляндскаго Сената возражать противъ Высочайшаго Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1899 года ссылками на Манифестъ $\frac{\text{25 Октября}}{\text{6 Ноября}}$ 1894 года и на прежнія Удостовѣренія не заслуживаетъ никакого вниманія.